

О. И. Копач

К ВОПРОСУ О СТАТУСЕ КОГНИТИВНОЙ ТОПОНИМИКИ

Географические имена до сих пор не стали полноправным объектом изучения когнитивной лингвистики, несмотря на более чем 30-летнее официальное существование последней и предполагаемую перспективность при-

менения ее методологии к анализу семантической стороны языка. В работах топонимистов до настоящего времени сохраняется своеобразная двойственность: исследователи-практики активно используют в своих работах термины *концепт*, *концептуальный*, *когнитивный* и т. п., в то время как теоретики стремятся обосновать саму возможность применения терминов *когнитивная ономастика* и *когнитивная топонимика* в научном дискурсе.

В большинстве случаев теоретики имеют основания положительно оценивать публикации, выходящие за рамки традиционных подходов к семантике топонимов. Вместе с тем в ряде работ отмечается немотивированное расширение предмета когнитивной топонимики до «конгломерата, в котором отражены культура, языки, время и пространство, этапы и социально-исторические условия развития общества» (З. Ф. Шайхисламова и др.).

Отмеченную двойственность в обращении с терминологией направления можно было бы списать на молодость и неразработанность концептуального пространства когнитивной лингвистики, однако последняя уже успела стать «своей» в научном сообществе. Богатство библиографии, посвященной изучению ментальных структур знания на базе их языкового воплощения в апеллятивной лексике, свидетельствует о проблеме статуса когнитивного направления исключительно в пределах проприальных единиц языка.

Причины, по которым когнитивная топонимика не обретает однозначного признания среди ономастов, судя по всему, связаны, во-первых, со спецификой объекта изучения и, во-вторых, с выбором процессов познавательной деятельности, на которые преимущественно направлено внимание исследователей в разных лингвистических традициях.

Среди приведенных выше причин *п е р в а я* видится ключевой для обретения когнитивной топонимикой статуса подраздела в пределах когнитивной лингвистики. Она касается неразрешенности проблемы семантики топонимов. Традиционно языковеды обходят проблему двумя путями:

1) констатируя дефективность проприальной семантики и рассматривая ее условно как семантику мотиватора (топоосновы);

2) подменяя термин *семантика* диффузным представлением об энциклопедическом значении имени, зависимым от меры знания конкретным человеком данных об объекте мира (ср. упомянутое выше представление о топониме как о конгломерате самой разной информации).

Оба таких понимания сущности географических имен страдают односторонностью, при этом в обоих случаях их функциональная роль как знаков, необходимых для ориентации на местности, не учитывается. Характерная для абсолютного большинства работ о географических именах констатация списка замеченных субъектом признаков объекта (семантика мотиватора) и описание культурной составляющей выбора этих признаков (энциклопедическое значение) позволяет либо описать одно из ряда свойств объекта (по большому счету, случайное), либо погрузиться в описание культуры региона, которое уводит нас от объяснения имен единичных объектов как цели когнитивного, а не культурологического исследования.

Вторая из описываемых здесь причин связана с сосредоточенностью исследований на описании разных аспектов когнитивности, что отражается в использовании специфической методологии для описания каждого из них и, как следствие, в получении разнохарактерных результатов. В пределах когнитивной лингвистики выделяется как минимум два течения, возникшие на базе разных традиций изучения семантики, – лингвокультурологическая концептология и лингвокогнитивные исследования.

Работы по когнитивной топонимике постсоветских топонимистов, как правило, разрабатывают идеи лингвокультурологической концептологии и характеризуются 1) изучением преимущественно когнитивной семантики имен на базе идей ономазиологии, этнолингвистики, лингвокультурологии и др. антропоцентрических направлений, ставших популярными на стыке веков; 2) выстраиванием в большинстве исследований лингвокультурных концептов и подчеркнутым отделением бытийного компонента, связанного с ориентационными и хозяйственными свойствами имен, от ценностного; 3) отсутствием интереса к когнитивной грамматике онимов; 4) зачастую номинальным (мода) интересом к заявленной проблематике.

Идеи западных языковедов в данной сфере имеют принципиально иную научную базу: лингвокогнитивные исследования исторически развивались в США как оппозиция генеративизму. Неудивительно, что к представлению ментальных репрезентаций индивидуальных объектов эти ученые чаще стремятся прийти через анализ грамматических или формальных показателей имен на основе современных теорий грамматики. Такая направленность исследований делает очевидными их отличия от подходов, описанных в предыдущем абзаце: 1) опора в большей степени на когнитивную грамматику; 2) выстраивание авторских моделей имени с учетом холистического статуса единиц номинации; 3) скорее вспомогательная роль когнитивной семантики при создании моделей топосистемы; 4) большой консерватизм в применении терминологии когнитивной лингвистики.

Таким образом, когнитивная топонимика обладает потенциалом для описания ментальных структур знания на материале географических имен. При этом противоречивость представлений о проприальной семантике и различия в традициях исследования плана содержания языковых знаков отражаются в незначительном внимании к ней со стороны топонимистов и отсутствии единой последовательной методологии когнитивной топонимики.